
РОССИЯ В ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ

Поколенческая динамика и новейшая история СССР – России (1950–2004 гг.)

П.А. ОРЕХОВСКИЙ

Утверждение, что исторический процесс по сути является сменой поколений, граничит с банальностью. Однако если поколения представляют собой группы людей, различающихся не столько возрастом, сколько способом поведения, то исторический процесс – это своего рода социологическая модель, «работа» которой разворачивается во времени. Такой взгляд на историю был предложен в рамках исследовательского проекта¹, часть результатов которого приводится в данной статье. В первых двух разделах изложены основные понятия и описание механизма работы поколенческой модели исторического процесса. В третьей части осуществлена попытка верификации модели на основе событий недавнего советского и российского прошлого.

Ключевые слова: элиты, власть, поколения, конфликты, социальные фильтры

Понятие поколения. Система координат ценностей поколений. Основные стратегии поведения

Под поколением обычно понимают группу людей, близких по возрасту и занимающихся общей деятельностью. Часто такое определение ставит во главу угла именно возраст и приводит к тому, что поколение, как социологическое понятие, путается с демографическим, «возрастной когортой». К. Мангейм решает эту проблему с помощью введения понятия духа поколения. Последний возникает как результат формирования ценностей у людей, которые в молодости прошли через одни и те же исторические события. В результате этих переживаний у людей одного поколения возникает центральная проблема – своеобразный смысл жизни: проблема, которую они решают всю жизнь, и в зрелом, и в пожилом возрасте [Мангейм 1998].

На базе такой центральной проблемы складываются поколенческие единства – но ответы на поставленный вопрос они зачастую дают принципиально разные и часто борются между собой. К. Мангейм показывает, что одни и те же события Первой мировой войны и последующей разрухи в Германии привели,

¹ Полностью отчет о результатах проекта «Конфликты поколений и смена стереотипов господствующей элиты России» можно посмотреть на сайте лаборатории экономического анализа: <http://lab.obninsk.ru>.

с одной стороны, к возникновению коммунистического, «красного», а с другой стороны – национал-социалистического движений.

Ситуация поколенческих единств и вопрос, на основе чего они складываются, по большей части выпадает из поля зрения исследователей. Господствует механистическая логика: была война – значит, военное поколение; «оттепель» – значит, «шестидесятники».

«Чем интенсивнее жизнь, чем более она насыщена переменами, тем короче временной интервал, определяющий поколение. Например, те, чье взросление пришлось на конец 1980-х (период перестройки), вряд ли ощущают «избирательное сродство» с теми, кто вырос уже в 1990-е. Поэтому в дальнейшем анализе состава элит будет использовано более дробное деление:

родившиеся в 1980-е годы (1980–1989): «существенными событиями» для них стали выход экономики России из затяжного кризиса и становление «суверенной демократии»;

родившиеся в 1970-е годы (1970–1979): ключевыми для их мировосприятия стали кризис и реформы 1990-х годов;

родившиеся в 1960-е годы (1960–1969): перестройка, «кооперативное движение» и распад СССР стали главными событиями, определившими характер социализации представителей этого поколения;

родившиеся в 1940-е годы (1940–1949) и 1950-е годы (1950–1959): поколения “застоя”» [Олейник 2008].

Конечно, перечисленные события как-то переживались молодыми людьми. Однако появлялись ли в результате этих переживаний некие социальные группы, которые отличались бы примерно одинаковыми реакциями? Другими словами, способны ли эти поколения на некие единые социальные действия в ответ на внешние раздражители? Очевидно, нет. Но если это так, то их нельзя характеризовать как социальные группы. Это именно возрастные когорты, которые переживают обычные этапы жизни – получение образования и социализацию, создание семьи и прохождение этапов карьеры, повторяя круг жизни, который был пройден и до них, хотя и в разных условиях. Вряд ли можно считать организацию кооперативов центральной проблемой, которая снова и снова переживается поколением всю жизнь.

Но как тогда идентифицировать поколения?

Дух поколения – это его ценности. Ценности можно характеризовать как в этической, так и в эстетической системе координат; вслед за Ф. Ницше можно сказать, что «вся жизнь – это спор о вкусах». Принятые ценности формируют стратегию поведения поколения. Последняя представляет собой способ действий, обеспечивающий единство данной группы в социуме. Целью стратегии любого поколения является приобретение власти, прохождение в элиту, что является необходимым для утверждения собственных ценностей.

Под властью вслед за М. Вебером здесь понимаются отношения господства – подчинения между людьми [Вебер 1990]. Эти отношения строятся на обладании капиталом:

политическим: административного, легализованного насилия;

экономическим: владения и контроле над богатством;

символическим: авторитете, которому хотят подражать. Символический капитал основан на экспертном знании, однако последнее следует понимать

не только как научную компетентность, но и как производство образцов в широком смысле, в том числе – в моде, стиле жизни, отдыхе, потреблении.

Смена поколений представляет собой своеобразную разверстку во времени процесса смены элит. Каждое поколение должно пройти на своем «пути в элиту» определенные социальные фильтры – получение высшего образования, службу в вооруженных силах, работу в органах власти, перемены места жительства. Несмотря на то что переезды представляют собой в первую очередь горизонтальную мобильность, города также имеют свою иерархию социальных статусов (используя классификацию, введенную В. Каганским, стоит различать столицу – провинцию – периферию – границу).

От «нормального» процесса смены элит следует отличать ситуацию возникновения «стеклянного потолка»². Последний принципиально отличается от социального фильтра тем, что требует лояльности не к стране и легальному, закрепленному в правовых актах распределению власти, но – к личностям, отдельным социальным группам. Образование, деловая карьера или государственная служба представляют собой социальные «лифты», каналы рекрутирования элиты. «Стеклянный потолок», напротив, является перегородкой, плотиной внутри указанных фильтров.

По-видимому, существует некое ядро социума, где субъекты не задумываются над стратегиями поведения, полагая для себя главным семейные ценности. По отношению к данному ядру можно выделить две разные этические и две разные эстетические системы:

1. Позитивное мессианское сознание: «прогрессоры». В эту категорию попадают реформаторы и модернизаторы, строители и бюрократы. Существенной чертой таких людей является вера в то, что следующее поколение, дети, должны быть лучше, умнее, богаче своих родителей. Это – своеобразное выражение этики прогресса.

2. Негативное мессианское сознание: «упростители». Сюда попадают, с одной стороны, любители «естественного» – экологи и дауншифтеры, а с другой – разрушители и нигилисты. Важной чертой для них является вера в несправедливое, неестественное сегодняшнее устройство общества. Это – своеобразное выражение этики отвращения.

Деление на «прогрессоров» и «упростителей» является грубым и малоинструментальным, если дополнительно не ввести сюда эстетические предпочтения³. Этические идеалы можно дополнить:

Эстетикой свершений, своеобразной эстетикой героического. В данном случае преобладающим отношением субъекта является включенность в процесс – он может быть героем-одиночкой, противостоящим несправедливости мира, погибающим, но утверждающим свои ценности. Однако он может быть и победителем в составе дружеской команды, отстаивающим (и улучшающим) традиционные ценности системы, делающим мир удобнее.

² Термин заимствован из трудов Ф. Броделя и Э. де Сото [Coto 2001, с. 73–74], которые вводят понятие «стеклянный колпак». Последний отгораживает элиту, пользующуюся благами судебной системы и правовой защиты собственности, от общества, где продолжают действовать механизмы внезаконного регулирования.

³ Классификация эстетических предпочтений была предложена автору обнинским политологом А.М. Борисовым, за что выражаю ему свою искреннюю признательность.

Его основное время (при том, что он, естественно, интерактивен) – это настоящее.

Эстетикой упадка. Субъект здесь находится вне процесса, он – лишний в настоящем. Отсюда есть два выхода: первый – в своеобразное декадентство, эстетизацию руин и девственной природы, возврат в прошлое. Второй вариант – это строительство, вечная надежда на будущее. В настоящем времени такой субъект разрушителен – окружающее его не устраивает, он испытывает вечную метафизическую ностальгию.

Такое разделение позволяет построить карту стратегий, приведенную на следующей странице.

Этика и эстетика – составные части культуры. Различение по линии «свой – чужой» требует культурных маркеров. Писатели и поэты, музыканты и художники предоставляют элите образы и язык для осознания себя. Если человек говорит о каком-то художественном произведении: «Это про меня, это – мое», или, напротив: «Это там у них, в моей жизни так не бывает», это и есть указанный маркер.

Предложенная классификация, конечно, условна, а отбор имен проведен достаточно случайно, как пример, не более. Эволюция каждого поколения достаточно сложна. Это обстоятельство может сделать его культурные ценности плохо опознаваемыми или совсем не понимаемыми последующими поколениями. Вместе с поколением обычно уходят и его писатели, поэты и художники, а те, что остаются в культурной жизни других поколений, во многом истолковываются по-новому, в их произведениях на первый план выходят те детали и обстоятельства, которые сами авторы, возможно, считали второстепенными.

Переходя к характеристике стратегий, стоит особо оговориться, что ни одна из них напрямую не является антигуманной или разрушающей нравственность. Все они так или иначе апеллируют к любви, семье, детям, дружбе, верности идеалам и т.д. Обвинения в аморальности и бесчеловечности возникают тогда, когда люди, придерживающиеся одной стратегии, судят, исходя из своих ценностей, других людей, придерживающихся другой стратегии и других ценностей.

1. Стратегия модерна. Эта стратегия предполагает высокую степень открытости и публичных дискуссий по ключевым вопросам жизни общества. Элита здесь – первые среди равных. Здесь предполагается, что в модернизации общества должны участвовать все, так что социальные фильтры открываются максимально широко.

В отношении к насилию люди, придерживающиеся этой стратегии, амбивалентны. Ее долгосрочность требует быть осторожной с выбором средств – а насилие, даже по отношению к бывшим «палачам», может надолго скомпрометировать осуществляемую модернизацию. С другой стороны, вовлечение в процесс народных масс делает насилие весьма эффективным инструментом.

Модернисты всегда ориентированы на Запад. Они либо его догоняют и хотят победить, либо желают войти в сообщество цивилизованных народов путем уступок и следования советам иностранных старших братьев.

2. Стратегия непобежденного⁴. Это – стратегия избранных и для избранных, предполагающая изначальное деление социума на толпу и героев, обывателей и

⁴ Может, точнее было бы сказать «непобедимого», в соответствии с одноименным рассказом Э. Хемингуэя.

чудиков, тех, кто способен выскочить из жизненной колеи, за «линию флажков», и тех, кто будет продолжать жить по накатанной. Это стратегия с двойным дном, и поколения, которые ее реализуют, никогда напрямую не заявляют о своей избранности. Поэтому она реализуется скрыто, а заявление позиции героя-одиночки, отстаивающего свои экзистенциальные ценности, изначально ставит социолога в тупик: если он – один, то как можно говорить о группе, о поколении?

Данная стратегия имеет краткосрочный горизонт и высокий темп реализации. Для непобежденного характерно наличие в его жизни множества «чужих», «палачей», «агрессивно-послушного большинства» и т. д., но сам он может только «пресекать экстремизм» отдельных личностей, не более того. Хотя бы этих отдельных личностей и набралось достаточно много, поколение непобежденных будет искренне отрицать свое системное насилие по отношению к другим. С их точки зрения, объект насилия (а они для себя – всегда жертвы) не может быть субъектом террора.

Западный фактор для стратегии героев-одиночек важен не менее, чем для модернистов. Эмиграция здесь рассматривается как один из возможных вариантов стратегии прорыва в элиту; а эмигрант – как заведомо избранный, вне зависимости от того, какой социальный статус он получает в западной стране.

3. Стратегия ухода. Данная стратегия заявляется, как и стратегия модерна, максимально открыто. Однако если для поколения модерна критика существующего положения дел ведется с позиций возврата (или построения новых) нравственных ценностей в настоящем времени, сейчас, то для поколения ухода характерен нигилизм, отрицание сегодняшних ценностей в принципе. Для этого поколения нет и не может быть живых авторитетов – последние и есть апологеты и создатели полностью лживой и омерзительной современности, в которой не хотят жить уходящие. Целью является прорыв к истинным, действительно общечеловеческим ценностям. Этот прорыв может реализовываться и через суицид, тогда символический уход дополняется уходом в прямом, буквальном смысле. Как и в случае с непобежденными, суицид здесь, в принципе, получает положительную моральную санкцию.

Эта стратегия, как и стратегия модерна, рассчитана на долгосрочный горизонт, однако темп ее реализации нестабильный, рваный.

Уходящие, как и непобежденные, полагают себя жертвами системы. Однако если непобежденные скрывают свое избранничество от толпы, то уходящие открыто противостоят всем другим поколениям, реализующим иные стратегии. Здесь градус противостояния намного выше.

Запад и эмиграция здесь рассматриваются лишь как варианты ухода, по-видимому, примерно равные большому количеству спиртного и наркотиков, не более. Они существуют как культурная ценность, однако для уходящих часто не меньшую ценность может представлять и Восток (прежде всего Индия и Китай) или глубинная, почвенная Россия.

4. Стратегия малых дел (практики). Данная стратегия также предполагает деление социума на избранных, улучшающих мир, и неразумное население. В отличие от модернистов, стремящихся радикально улучшить, изменить социальное устройство и духовный мир каждого человека, практики совершенствуют имеющееся. Они продолжают улучшать то, что достается им от предыдущих поколений, это – своеобразные конформисты. Причем конформизм состоит

здесь не в том, что практик отказывается от своей точки зрения в пользу мнения большинства в расчете на получение выгоды для себя, отнюдь; практики могут быть весьма конфликтны, эгоцентричны и последовательны. Их конформизм состоит в том, что они отказываются обсуждать основания социального устройства, они принимают мир таким, каков он есть.

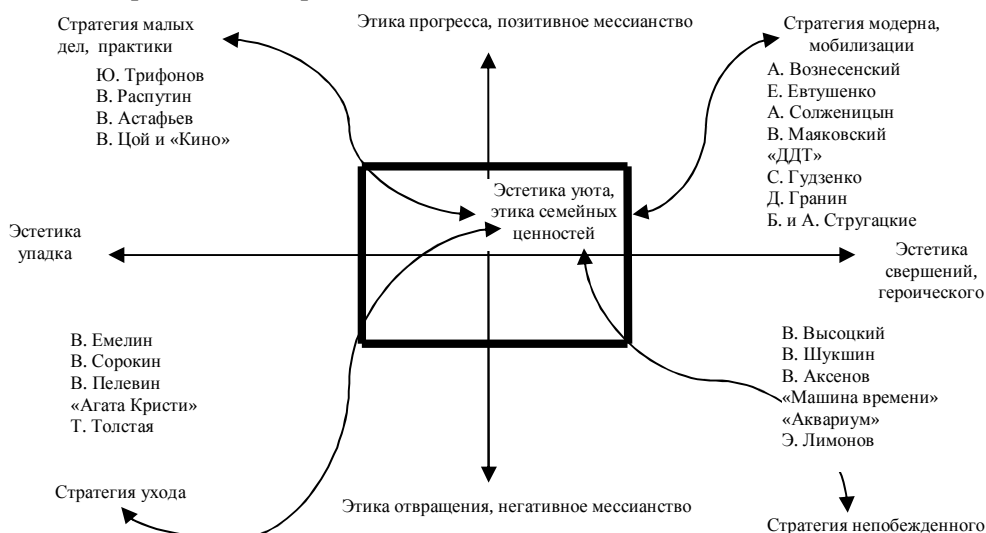

Рис. 1. Карта стратегий поколенческих союзов

Поскольку такая ориентация идеально вписывает данное поколение в социум, некоторые социологи презрительно называют его представителей манкуртами, или големами [Дубин 2002, с. 15], относя их к «потерянным поколениям». Это результат плохого знакомства с ними и непонимания сути стратегии практиков – они позиционируют себя почти всегда как вечно вторые. Пока представители других жизненных стратегий, теоретики, ведут споры и принимают на себя риски за радикальные решения, практики занимают ключевые места для реализации этих решений.

Горизонт этой стратегии – краткосрочен, цели практики ставят себе реальные. Темп реализации стратегии – средний; практиков раздражают как авралы, так и апатия, им нужна постоянная, стабильная работа и непрерывный прирост экономического и политического капитала. В результате латентности этой стратегии смысл и цели деятельности уходящего поколения практиков ускользают от внимания социологов и историков так же, как и мотивы поступков непобедленных. Это – закрытые миры со своими ценностями.

В отличие от героев-одиночек, которые для себя всегда – жертвы обстоятельств, практики для себя – победители. Они владеют обстоятельствами, выстраивают их. Практики – это и есть та система, которой боятся непобедленные, которую ненавидят и пытаются взорвать уходящие, над которой, наконец, проводят свои реформаторские эксперименты модернизаторы.

Наконец, практики – единственные, кто настороженно относится к Западу и ждет от него неприятностей. Это связано с отсутствием их легитимации на Западе – вне национального социума высокий социальный статус практиков подвергается оскорбительному сомнению.

***Межпоколенческие и внутрипоколенческие конфликты.
«Хранители» и «предатели». Реформы и революции***

Прежде чем перейти к схематическому описанию исторического процесса и процесса изменения социальной структуры, необходимо дополнить и уточнить предлагаемую теоретическую модель карты стратегий поколений.

Во-первых, как это ни парадоксально звучит, молодой человек может выбрать себе поколение; другими словами, определяя свою жизненную стратегию, он вступает в один из доступных ему в данный исторический момент поколенческих союзов. Строго говоря, любая возрастная когорта в какой-то пропорции распределяется между всеми четырьмя типами стратегий.

Во-вторых, по мере перехода в зрелый возраст человек далеко не всегда продолжает следовать избранной им стратегии и сохранять прежние эстетические предпочтения и мораль. Однако переходы в соседние квадранты карты стратегий для него возможны, а в противоположные, как правило, исключены.

В-третьих, межпоколенческие конфликты принято рассматривать как процесс смены элит, связанный с естественным старением – старики не уступают молодежи свое место, в процессе конкуренции не пускают к ресурсам и всячески тормозят приобретение следующим поколением политического, экономического и символического капитала. На мой взгляд, это не так. Конфликт возникает из-за того, что разные поколения придерживаются разных ценностей; при этом такой конфликт всегда имеет сложную структуру и динамику, продолжая когда-то возникший внутрипоколенческий конфликт. Однако если оппоненты внутри поколения все равно до конца жизни остаются друг для друга хотя бы отчасти своими, пережившими в молодости одни и те же ключевые социальные события, но давшими на них разный ответ, то в случае межпоколенческого конфликта стороны являются друг для друга полностью чужими. И вопрос старшего поколения «чего им еще надо?», и вопрос-ответ младших «как они этого не могут понять?» вполне символичны и естественны.

Внутрипоколенческая динамика

1. Поколение модерна. Именно про таких людей А.П. Чехов как-то сказал, что русские в двадцать лет – радикалы, в тридцать – либералы, в сорок – консерваторы. Действительно, молодые люди, в результате каких-то событий решившие заняться переделкой общества, редко сохраняют свой поколенческий союз. Мне неизвестно, кому принадлежит фраза «ничто так не портит цель, как попадание в нее», но модернизаторы начинают делиться и конфликтовать именно тогда, когда они попадают в элиту. В этом случае требование продолжения переделки общества уже обращается к самим себе, и поколенческий союз начинает дифференцироваться на «хранителей» и «предателей».

Часть «хранителей» переходят в позицию непобежденных, сохраняя тем самым свое пребывание в элите. Однако если раньше, реализуя стратегию модерна, они были доступны для социальной коммуникации и активно взаимодействовали с представителями своей и более молодых возрастных когорт, то теперь они закрываются в позиции избранных.

В случае перехода в андеграунд модернизатор перемещается в противоположный квадрант, реализуя стратегию ухода. Однако это уже выбор отдельной

личности, не поколения. Основная часть бывших модернизаторов-«хранителей» остается в элите, становясь непобежденными.

Именно бывшие модернизаторы, ставшие непобежденными, начинают строить «стеклянный потолок», охраняя и мифологизируя свои заслуги. В отношении них у толпы может быть только одна позиция – преклонения.

«Предатели» – другие бывшие модернисты, перешедшие к реализации стратегии малых дел. В целом их устраивает политическое устройство, которое позволило им добиться жизненных успехов. Они будут осуществлять постепенные небольшие реформы в разных областях, будь то совершенствование хозяйственного механизма, внедрение хозрасчета, развитие предпринимательства или ликвидация естественных монополий... Часть из них будет поддерживать строительство «стеклянного потолка», позволяющего блокировать проникновение в элиту чуждых элементов. Однако многие из «предателей» будут опекать молодых практиков, пестовать и выделять их. Некоторые старые практики – бывшие модернизаторы – искренне озабочены поиском и подготовкой новых молодых, перспективных, готовых осуществить новую модернизацию общества, кадров. Однако поиск этот, как и подготовка, ведется в рамках той самой системы официоза и работы социальных фильтров, которая была когда-то создана (или изменена) самими модернизаторами, в эпоху прежнего передела власти. В результате эта система пропускает в элиту только таких же, как они, ценностно-ориентированных практиков.

2. Поколение непобежденных. Возможности для смены стратегий этого поколения весьма ограничены. Во-первых, они прорываются в элиту поодиночке, и каждый раз это – индивидуальный успех, который не может быть скопирован другими. Во-вторых, в отличие от модернистов, у героев-одиночек имеется четкое понимание негативных ценностей – т. е. того, что «я не люблю», того, что отвергается; но нет позитивной программы.

Важно отличать героев-одиночек, реализующих данную стратегию смолоду, от непобежденных, которые стали таковыми в результате жизненного поражения, уже оказавшись в элите. Непобежденные особо не собираются менять мир, ограничиваясь его критикой, в то время как герои-одиночки, регулярно сталкиваясь со «стеклянным потолком», вынуждены искать пути его обхода. В этом случае для них возможны всего лишь два варианта. Первый – движение в противоположную сторону от этого препятствия, переход в андеграунд, теневую экономику, что фактически означает принятие стратегии ухода. Второй – пытаться пробить «стеклянный потолок» с помощью тех или иных «заговоров», что требует определенной способности к мимикрии и конспирации.

В случае отсутствия крупных изменений в политическом устройстве герои-одиночки, прорвавшись в элиту, постепенно превращаются в непобежденных, охраняя свою избранность. Кроме того, в этой поколенческой динамике существует еще вариант ухода – либо как прорыв на Запад, либо (что реже) как становление авторитетной фигуры андеграунда. Сравнительная редкость ухода связана прежде всего с различным ощущением времени – для героев-одиночек оказаться вне настоящего во многом означает полный отказ от претензий на свою сегодняшнюю избранность, а это уже сродни и отказу от желания попасть в элиту.

3. Поколение ухода. В этом поколении по мере его взросления тоже появляются свои «хранители» и «предатели». Поколенческая динамика здесь в чем-то симметрично-зеркальна поколению модернистов – в случае успеха и прорыва

ва в элиту андеграундные гуру становятся непобежденными, перемещаясь вправо, во второй квадрант карты стратегий. И хотя они остаются первыми среди равных для своих – для тех, с кем когда-то начинали, одновременно они переходят в разряд избранных для всех остальных. Естественно, что прорыв в элиту в таком случае происходит на основе символического капитала: через науку, культуру, участие в работе массмедиа.

«Предательство» среди уходящих тоже имеет место в случае успеха. Однако оно совершается на базе приобретения преимущественно экономического и, сравнительно редко, политического капитала. Бывшие теневики и нонконформисты, заработав деньги, появляются на светских тусовках, рассказывают о своих успехах в гламурных официозных деловых журналах и «эффективно» взаимодействуют с исполнительной властью. Такая жизненная траектория многократно – в частности, на примере поколения беби-бумеров – фиксировалась в западной литературе. Бывшие хиппи и рокеры вполне успешно вписываются в бизнес, а при желании – и в политическую культуру.

Тем не менее стоит подчеркнуть различие траекторий уходящих, ставших «сытыми предателями», и практиков. Уходящие не проходят школы мелкого служения, они практически никогда не работают клерками. Если они приходят в исполнительную власть, то это уже уровень политики, позволяющей принимать самостоятельные решения. В результате у них есть представление об основах мира, и их политические ходы отличаются от традиций практиков. Указанное различие может порождать конфликты, причем, учитывая отчасти прозападные симпатии бывших уходящих, такие, по сути, внутр поколенческие конфликты различных стратегий часто рассматриваются как стычки между прозападными либералами и патристическими государственниками.

4. Поколение практиков. Это поколение, как и поколение героев-одиночек, замкнуто преимущественно само на себя. Их взросление сопровождается продвижением по карьерной лестнице в рамках официоза; постепенно они приобретают все больший экономический и политический капитал, естественным образом занимая элитарные позиции. Практиков отличает стремление к конкретному знанию, к деталям; принципиальных внутр поколенческих конфликтов (как и у поколения героев-одиночек) между ними не возникает – если, конечно, не происходит перетряски всего социального устройства. В последнем случае часть практиков принимает новые правила игры, оставаясь в элите, в то время как другая часть, участвовавшая в поддержании «стеклянного потолка» особенно активно и занимая охранительные позиции, выпадает из элиты. При этом практики не переходят на позиции героев-одиночек или уходящих – они остаются теми же, спускаясь на несколько социальных статусов вниз по иерархической лестнице.

Межпоколенческая динамика. Революции и реформы

По-видимому, нормальным ходом истории является чередование в элите поколений модернистов и практиков. Модернисты пытаются радикально улучшить социальное устройство общества, они создают новые социальные лифты, улучшая систему образования, изменяя систему организации НИОКР и общих взаимодействий между образованием, наукой, производством. Это дополняется острыми дискуссиями о переосмыслении исторического опыта, о роли и месте страны в мире и т. д. Между модернистами разных поколений могут возникать острые

конфликты, связанные с осуждением старых средств реализации стратегии; в этом отношении новое поколение модерна противостоит как старому поколению, так и своим ровесникам-практикам. Последние всегда выступают за постепенные, поэтапные изменения, что не без оснований воспринимается новыми модернистами как приспособленчество. В этом, собственно, и состоят обычные исторические конфликты – новое поколение модернистов приходит с программой реформ и конфликтует со старыми модернистами и практиками всех возрастов.

По мере смены поколений и взросления новых модернистов в элите увеличивается количество сторонников малых дел. Часть новых социальных лифтов ликвидируется, в отношении традиционных социальных фильтров вводятся процедуры, которые делают их работу более жесткой. Увеличивается степень регламентации как экономического, так и символического производства благ. Если одновременно с этим существенная часть поколения модернистов выводится из состава официальной элиты и, потерпев поражение, оказывается в положении непобежденных, то начинается строительство «стеклянного потолка».

В отличие от нормального хода реформ, революции возникают тогда, когда количество уходящих и героев-одиночек становится статистически значимым; возможно, правильнее сказать – большинством. До поры до времени их поглощает андеграунд. Однако это уже не отдельные кружки аутсайдеров, а довольно развитые социальные сети, с ясной системой опознавания «свой – чужой» и отработанными средствами предупреждения об опасности. Революция начинается тогда, когда андеграунд находит своих союзников в официальной элите. И когда происходит объединение части людей, придерживающихся стратегии модерна, с людьми, придерживающимися стратегии ухода, «стеклянный потолок» рассыпается. Вчерашние парии оказываются объектом повышенного интереса СМИ, начинается недолгое противостояние элиты и контрэлиты, в котором элита быстро проигрывает. Она не в силах ничего противопоставить новым идеям, от которых ее защищал раньше тот самый «стеклянный потолок», а силовое решение проблемы исключено: оно было возможно в самом начале существования подполья, но не тогда, когда бывшие «свои» объединились с «этими».

В то же время революции и реформы не возникают просто потому, что созрело новое поколение. Напротив, новое поколение требуется (и побеждает в определенный момент) потому, что прежняя управленческая культура, прежние этические и эстетические ценности приводят экономику к кризису.

Реконструкция прошлого

Историю недавнего прошлого можно представить как реконструкцию жизни и деятельности различных поколений. В связи с этим здесь весьма схематично проводится ретроспектива по следующим реперным точкам анализа:

- центральная проблема, в отношении которой формировались внутр поколенческие и межпоколенческие конфликты и которая предопределила дальнейшую траекторию социального движения различных поколений;
- основные механизмы приобретения капитала и соответственно механизмы рекрутирования элиты;
- взаимосвязи между механизмами приобретения капитала и социально-экономическим развитием;

механизмы возникновения (разрушения) «стеклянного потолка» и разрывов в социальных коммуникациях;
наличие (отсутствие) культурного и научного андеграунда и уход в эмиграцию.

«Оттепель» (1953–1968)

Центральным событием «оттепели» явилась смерть И. Сталина и последовавшая за этим переоценка периода 1930–1940-х годов. В элите в это время доминируют два поколения модернистов:

Военное поколение – родившиеся в 1910-е годы и до 1925–1930 гг. Центральным событием их жизни, по-видимому, была Вторая мировая война; победа и надежды 1945 г. Ужасы войны, дегуманизация, которая имела место во всех воюющих странах, вновь поставила вопрос многих военных поколений – как совместить пережитый опыт с мирной жизнью, с лживостью и несправедливостью социального устройства;

Поколение «шестидесятников» – родившихся после 1925 г. и примерно до 1941 гг. Именно для них центральной проблемой стала переоценка ценностей и поиск способов преодоления сталинского наследия в политике, экономике, культуре.

Между этими двумя поколениями не было острого конфликта, тем более что переоценку личности Сталина и его режима военное поколение начало еще до его смерти. Это было естественным следствием размышлений о «войне и мире». Собственно, ликвидация Л.П. Берии, XX съезд коммунистической партии, постепенная реабилитация репрессированных была начата именно военным поколением, «шестидесятники» включились в этот процесс позже. Поэтому и первоначальные фильтры прохождения в элиту сохраняли свое значение:

получение среднего и высшего образования, приобретение символического капитала;

служба в Вооруженных силах (что было особенно важно для выходцев из деревень и национальных окраин);

работа на вновь создаваемых предприятиях, которые строились не только в Европейской части СССР, но и на Урале, в Сибири, на Дальнем Востоке. Это открывало широкие возможности для получения как экономического капитала (опыта топ-менеджера), так и капитала политического (работники уровня начальника цеха были уже «номенклатурой»).

Тем не менее проблема отношения к культу личности и его последствиям военным поколением и «шестидесятниками» решалась по-разному. Для начала отметим то, в чем оба поколения совпали, – это в осуждении массового террора. Между «сталинскими соколами», военным поколением и «шестидесятниками» был заключен негласный гражданский мир. Этот мир никогда не был легализован – и вследствие этого, по сути, он был нелегитимен, несправедлив, несмотря на процессы реабилитации репрессированных. Отсутствие легитимности делало негласный гражданский мир неустойчивым – большая часть политической и силовой элиты, причастная к организации террора, постоянно ощущала себя в опасности. И таковая, с их точки зрения, возникала каждый раз, когда «шестидесятники» начинали говорить о «палачах и жертвах»: память о судьбе Ягоды, Ежова и Берии была достаточно свежа.

Насколько эта ситуация была неустойчивой, показали, в частности, новочеркасские события, где элита без колебаний приняла решение о терроре, слухи о котором моментально распространились по СССР. Тем не менее цепной реакции массового насилия за этим не последовало, хотя легко представить, какой процесс очередной «Промышленной партии» возник бы в подобном случае в начале 1930-х. Дела советских диссидентов второй половины 1960-х годов на этом фоне можно признать своего рода компромиссными, их осуждение поддерживало не только военное поколение, но и часть «шестидесятников», уже попавших в элиту.

Основной же конфликт возник из-за существенных нюансов в ответах на центральную проблему поколения. «Шестидесятники» раскололись на демократов – тех, кто считал необходимым возврат через ленинские нормы к «истинной демократии», в сущности, западного образца; и прагматиков – они считали реформы, осуществленные Н. Хрущевым, вполне достаточными для того, чтобы обеспечить развитие страны. Последних поддерживало и военное поколение, считавшее демократов нарушителями общественного консенсуса, и практики, которые вполне справедливо считали часть административных и экономических реформ Хрущева противоречивыми и мешающими эффективной работе хозяйственного механизма. Естественно, что дополнительным фронтом этого конфликта был и неизлечимый идеализм в отношениях демократов к Западу на фоне Карибского кризиса и начавшейся войны во Вьетнаме.

Учитывая все это, поражение «демократических шестидесятников» было предпрешено, в элите их было явное меньшинство. Результатом стал их сдвиг в позицию непобежденных, в то время как победившие оппоненты с энтузиазмом начали заниматься малыми делами: это и и косыгинская реформа 1965 г., и строительство новых городов для освоения удаленных природных ресурсов, и перевооружение армии и флота, и продолжение реализации самых крупных и наукоемких российских проектов, начатых модернистами, – космического и атомного.

В то же время негласный гражданский мир, заключенный «шестидесятниками» и военным поколением, имел неожиданные побочные долгосрочные последствия. Дело в том, что сталинский режим предусматривал постоянную ротацию элиты через механизм репрессий. Физическое уничтожение части людей, имевших высокие социальные статусы, обеспечивало не только быстрый подъем новых претендентов, но и отсутствие в таком социуме статусной контрэлиты.

Ликвидация сталинской машины репрессий и заключение негласного гражданского мира одновременно ликвидировали и основной механизм ротации. Наряду с расширением социальных фильтров – ростом удельного веса людей с высшим образованием, созданием новых НИИ, вузов, строительством новых предприятий и новых городов – все это вначале привело к резкому количественному росту элиты. Никаких «застойных» явлений в данный период, естественно, не наблюдалось, и можно предположить, что со временем в советском обществе возникло бы открытое обсуждение выработки ненасильственных механизмов ротации.

Однако отсутствие легитимации гражданского мира вело к постоянному «раскачиванию лодки» «шестидесятниками»-демократами. Большая часть тогдашней элиты не могла допустить суда общества над собой; более того, она не видела для этого никаких оснований на фоне победы в войне, реабилитации репрессированных, покорения космоса, существенного роста благосостояния советских людей... Никто не считал себя виновным ни в терроре, ни в травле ина-

комыслящих. Результатом стали «мягкие» репрессии – запрет на занятие руководящих должностей, цензура, наконец, уголовное преследование, включающее не только заключение в тюрьмы и лагеря, но и высылку из столиц «на поселение». Ответом на такие репрессии стала постепенная радикализация – количественный рост диссидентского движения, начало эмиграции на Запад, появление подполья. При этом подполье тогда имело преимущественно политический характер, следует отличать его от более позднего (и массового) андеграунда.

Представители поколения «шестидесятников» все больше и дальше расходились между собой. Возможности публичного диалога по центральной проблеме поколения постоянно уменьшались. Точкой, которую, видимо, следует считать концом «оттепели», является ввод советских войск в Чехословакию и выход восьми диссидентов на Красную площадь с плакатами, осуждающими это решение. Причем главным здесь является именно публичный протест диссидентов, а не ввод войск.

За время, прошедшее после окончания Второй мировой войны, СССР воевал постоянно. До 1968 г. это были блокада Берлина, «подавление мятежа» в Венгрии, война с США в Корее, «интернациональная помощь» Кубе, Вьетнаму, Египту... Поэтому сами по себе воинские операции за рубежом не были предметом большого общественного резонанса. 1968 г., как дата социальной памяти, связан именно с публичным протестом части элиты, своих – опять-таки, новочеркасский расстрел оставил по себе куда меньше воспоминаний. При всем сочувствии демократов к рабочим они были (и остались) для них чужими, никаких демонстраций элитных слоев у Кремля по поводу расправ над низшими стратами советского народа не наблюдалось. Как, опять-таки, не было публичных протестов акций против войны в Афганистане, несмотря на то, что к 1980 г. андеграунд становится массовым явлением (как это показали похороны В. Высоцкого). И это – не случайность: чехи и словаки были – свои; западные, афганцы (как и арабы, африканцы, вьетнамцы) – чужие.

События 1968 г. имели огромное символическое значение для СССР. С одной стороны, это был шок для модернистов и практиков – открытое противостояние проводимому курсу означало, что, несмотря на все достижения «оттепели», на весь рост народного благосостояния, «эти» не только не угомонились, но «совсем обнаглели». Стало быть, мероприятия по увеличению объема политических свобод, созданию новых «социальных лифтов» не только не дали желаемого результата, но и принесли полностью противоположные. С этого момента деятельность, связанная с модернизацией политического устройства, сворачивается.

С другой стороны, события 1968 г. убедили многих демократов-«шестидесятников», что строй нереформируем. В конце концов, восьмерка отважных в 1968 г. всего лишь реализовывала свои конституционные права, в частности право на свободу митингов и шествий, публичного выражения своего мнения. Расправа над ними показала, что маски сброшены, сталинизм торжествует. Так произошел разрыв коммуникации внутри одного поколения «шестидесятников», а заодно и была утрачена возможность коммуникации со следующими поколениями «семидесятых», поколениями героев-одиночек и уходящих. Элита замкнулась сама на себя, возможности обсуждения справедливости и эффективности социального устройства в легальном, официальном пространстве были надолго исключены (вплоть до конца 1980-х, пока не ушла из жизни большая часть бывших «палачей»).

С этого момента активизируется возведение «стеклянного потолка». Он строится, как уже говорилось, двумя совершенно различными социальными группами, которые, однако, принадлежали к одной возрастной когорте.

Практики обычно создают массу формальных и неформальных процедур, позволяющих провести проверку на лояльность к правящей элите. Так это было и в конце 1960-х. А. Битов как-то назвал такие процедуры системой постоянных и непрерывных унижений. В социальной реальности у всех этих регламентов, действительно весьма унижительных для людей, располагавших символическим капиталом, была другая цель – указать социальным акторам их место, нейтрализовать их возможности влияния на ядро социума. Для этого применялась масса инструментов: от необходимости участия в постоянных комсомольских, партийных и профсоюзных собраниях до субботников и осенней помощи селу, так что компетентный статус уничтожался на фоне мифического общественного. Характеристика «хороший ученый, но плохой общественник»⁵ полностью закрывала возможности для прохождения в следующую социальную страту. У советского человека тогда была масса важнейших социальных функций, неисполнение которых фиксировалось в его личном деле. Необходимо было стоять на учете: паспортном, воинском, профсоюзном; участвовать в очередях – на жилье, машину, гараж, садовый участок; иметь больничную карточку (историю болезни), трудовую книжку; быть членом общества Красного Креста, Защиты мира, Охраны памятников, Охраны природы... При этом каждая из исполняемых социальных функций могла оказаться в конечном счете более важной, чем компетентный статус субъекта при рассмотрении вопроса о выделении ему материальных благ или назначении его на более высокую должность.

В конечном счете большая часть инициативной компетентной деятельности сводилась практиками к презируемому понятию «самодеятельность», противопоставляемому уважаемому понятию «профессионализм». Ученый, который работал над монографией, не включенной в план издательства, не говоря уже о писателях, поэтах, художниках, – мог оказаться «тунеядцем».

Непобежденные отвечали примерно тем же – созданием ритуалов, позволяющих проводить проверку и опознание «свой – чужой». Однако если в случае с практиками регламенты являются во многом формализованными и требуют соблюдения внешних приличий, то ритуалы непобежденных являются весьма изощренными и направлены на формирование определенного образа мыслей. Регламенты практиков были (и есть) легальны, официальные, по этим правилам должна была жить вся страна, соответственно, они были призваны воспитывать лояльность как у ядра социума, так и у элиты. Отсюда – тупость и унижительность этих процедур. Ритуалы непобежденных были (и есть) призваны воспитывать верность своему лидеру (лидерам), они предназначались для избранных, которых милостиво «допускали в круг». Эти ритуалы не могли быть легализованы по определению, поскольку были направлены на формирование лояльности к отдельным лидерам замкнутых групп.

⁵ Другой вариант – «хороший специалист, но плохой человек»; человеческое приравнивалось к общественному. Так, на комсомольских и партийных собраниях зачастую обсуждался моральный облик отдельных коммунистов и комсомольцев. Член партии, обвиненный в супружеской измене, мог быть лишен возможности дальнейшего карьерного роста, как потерявший моральный облик.

К концу 1960-х – началу 1970-х годов именно по таким сектантским признакам начинает функционировать большое количество самых различных «кружков» – от научных школ и клубов директоров до «московских кухонь», клубов самодетельной песни и объединений художников. Внутри каждого такого «кружка» существовала достаточно строгая иерархия, определенная лидерами, которые принадлежали к поколению «шестидесятников». Чтобы попасть в этот круг, младшим требовалось пройти через долгий путь ученичества и усвоения ритуалов, по ходу которого воспитывалась лояльность к лидерам.

Уже к концу 1960-х годов система «кухонь» и научных школ «шестидесятников» работала не менее эффективно, чем система партийных и комсомольских собраний. Человек, не принадлежавший к тому или иному «кружку», оказывался чужим для всех, его символический капитал, если он подтверждался степенями, званиями, правительственными наградами, мог быть в какой-то степени признан (в зависимости от несения им общественных обязанностей и демонстрации лояльности) отдельными практиками, но не непобежденными. Учитывая же то обстоятельство, что непобежденные, принадлежавшие к поколению «шестидесятников», оставались для практиков экспертами, попасть в элиту чужак не мог никогда. Ему «перекрывали кислород» с двух сторон – если он не демонстрировал должной лояльности строю, это делали практики; если он не был членом «кружка», это делали непобежденные.

«Стеклянный потолок» к концу 1960-х годов был сформирован, причем самым старшим «шестидесятикам» в это время исполняется примерно сорок пять лет. Им оставалось не менее двадцати лет активной деятельности, причем они были полностью защищены от конкуренции со стороны более молодых поколений. И это, естественно, не могло не привести к социальному застою и принятию иррациональных экономических решений.

«Застой» (1969–1984)

В этом периоде доминируют два поколения:

Герои-одиночки, примерно 1950–1965 гг. рождения. Центральным переживанием, объединяющим это поколение, является поражение модерна. Однако это не было связано с каким-то конкретным событием, у каждого человека, принадлежавшего к этой социальной группе, был свой собственный случай, раскрывший ему глаза на происходящее. Проблема, которую решало (и решает до сих пор) это поколение, – как выстоять в борьбе с антигуманным, неправильным социальным устройством, с «совком», с «диким капитализмом», с системой за победу своих личных, субъективных ценностей... Это устройство сломало их отцов в начале 1970-х годов (и продолжает ломать до сих пор, в первом десятилетии XXI в., теперь уже их самих).

Поколение ухода, примерно 1958–1970 гг. рождения. Здесь также не было какого-то одного конкретного события. Например, часть этой социальной группы выделяет в качестве такового войну в Афганистане, часть – сбитый в 1983 г. южнокорейский «Боинг», некоторые – прочитанный в самиздате «Архипелаг ГУЛаг»... Во многом указанные ответы, как мне кажется, давались моими собеседниками «задним числом». Центральной проблемой этого поколения является поиск способа жизни в полностью фальшивом социальном устройстве. Новый же способ жизни должен был позволить ис-

пользовать доступные ресурсы при одновременном отсутствии каких-либо обязательств перед данным социумом.

Именно эти поколения и их конфликт с практиками определили дух времени «застоя». Однако кроме них следует выделить еще две социальные группы:

«Запоздавшие шестидесятники» (1940–1949 гг. рождения, термин предложен писателем Е. Поповым). Центральное событие у них то же, что и у обычных «шестидесятников» – смерть Сталина и трансформация советской демократии. Однако этому поколению уже пришлось столкнуться со «стеклянным потолком», и их первоначальная установка на прогресс, модернизацию социального устройства во многом сменилась на негативное мессианство, отвращение к общепринятым правилам и ценностям. Их жизненная стратегия после 1970 г. уже ничем не отличается от стратегии героев-одиночек и непобежденных.

Практики (1950–1970 гг. рождения). Они решали ту же проблему поражения модерна конца 1960-х, но их решение было противоположно ответу героев-одиночек: они стали искренними сторонниками правильного социального устройства. В какой-то мере они снисходительно относились и к сталинскому режиму, который позволил решить проблему технологической и военной модернизации страны («Сталин – эффективный менеджер»)⁶. При соединяясь к «шестидесятникам», ставшим прагматиками, они совместно защищали ценности порядка, полностью усвоив негативный опыт «оттепели»: если «этим» позволить, «они развалят страну»⁷.

Период «застоя», где номинально доминировали практики, сохранявшие контроль над большей частью всех ресурсов – политических, экономических, символических, характеризовался острым межпоколенческим конфликтом. Новых практиков, которых зачастую называли «молодыми стариками», не особо отличали от «шестидесятников». Степень остроты конфликта менялась в зависимости от поколений – от сочувствия и жалости к «шестидесятникам» у «запоздавших» к разочарованию и ненависти у героев-одиночек. Что же до поколения ухода, то здесь уже не различали ни «шестидесятников», ни сталинистов, господствовал тезис: «Людам после сорока лет нельзя верить в принципе».

В условиях «стеклянного потолка» привычные социальные фильтры прекращают выполнять свою обычную роль уже к середине 1970-х. Примерно с этого времени в вузы идут уже не для получения новых знаний и приобретения символического капитала, но чтобы не служить в Вооруженных силах (или – женский вариант – выйти замуж за статусного жениха); армия рассматривается как вычеркнутые из жизни два года. Работа на вновь создаваемых в Сибири и на Дальнем Востоке предприятиях – социальное поражение, понижение статуса, а не приобретение политического и экономического капитала. Горизонтальная

⁶ Часто приводимая ими цитата из У. Черчилля: «Сталин принял страну с сохой, а оставил – с атомной бомбой».

⁷ Как ни странно, именно это вегетарианское и, в сущности, довольно смирное поколение демократические публицисты-«шестидесятники» окрестили коммуно-фашистами. Впрочем, к концу 1980-х, когда запускается в оборот этот термин (наряду с «агрессивно-послушным большинством») они, как и А. Солженицын, имели уже абсолютно фантастические представления об окружающей их социальной реальности.

мобильность резко замедляется; в северные и восточные регионы едут те, кто потерпел поражение в борьбе за ресурсы в Центре, на Юге и на Западе СССР; другими словами, едут худшие.

Постепенно в элите начинает доминировать негативный отбор – в нее попадают «такие же, как я, только немного хуже». Именно так работают теперь как научные школы, так и творческие объединения – в иерархии качеств на первом месте здесь оказывается лояльность к лидеру, на втором – лояльность к самому «кружку». Однако и в отношении официальной иерархии дело обстояло лишь немногим лучше. Здесь отбирали по признаку лояльности к действующему режиму социалистической демократии – а стало быть, в элиту могли попасть только молодые практики, герои-одиночки не отличались лояльностью ни к лидерам, ни к строю – как и уходящие, не признававшие официальных авторитетов.

Негативный отбор – оборотная сторона того, что социальные фильтры перестают работать. Компетентность, смелость, готовность терпеть лишения ради реализации крупных проектов – все эти качества, необходимые для прохождения прежних фильтров в 1960-е годы, в 1970-е перестают иметь значение.

Другим следствием ориентации «шестидесятников» на лояльность был совершенно неожиданный в 1970-е годы рост стукачества, явления, которое, казалось, ушло в прошлое вместе со сталинским режимом. Однако теперь большая часть анонимок, сигналов, докладных и прочего шла отнюдь не в КГБ, а в Комитет народного контроля и партийные органы – общественность проявляла лояльность к правящему режиму. Но то же самое происходило и во многих «кружках», где члены зорко следили друг за другом и постоянно выясняли отношения. Временами это принимало фантазмагорические формы, когда сам КГБ оказывался заложником творческих союзов: товарищи требовали принять меры по отношению к своим коллегам, которые, по их мнению, проявляли не-лояльность к социалистической демократии.

Одновременно с негативным отбором продолжается количественный рост элиты (см. табл. 1 и 2).

Таблица 1. **Количество научных сотрудников в 1950–1980-е гг.**

[Народное хозяйство...1985, с. 103]

	1950	1960	1970	1980
<i>Всего научных работников (включая научно-педагогические кадры вузов), тыс. чел.</i>	162,5	354,2	927,7	1373,3

Характерное примечание к данной таблице тогдашнего Центрального статистического управления: «В 1940 г. численность научных работников составляла 98,3 тыс. человек. В 1984 г. в СССР насчитывалось около 1,5 млн человек, или одна четвертая часть всех научных работников мира».

Понятно, что отдача от советских НИОКР отнюдь не росла такими же темпами, как количество ученых. Экономический рост СССР в 1970-е годы замедляется, а не увеличивается. Можно сказать, что ученые не справились со своей задачей обеспечения технического прогресса, и альтернативным источником роста экономики стали открытые нефтяные и газовые месторождения Западной Сибири и Российского Севера.

В принципе, описанная ситуация осознавалась элитой – заклинания об отказе от экстенсивного роста и переходе к интенсивным источникам развития постоянно произносились партийными бонзами и хозяйственными руководителями. Но любые инновации невозможны без изменения социальной структуры, а этого-то практики как раз и не собирались допускать ни в коем случае. Привилегированному положению «шестидесятников» ничто не должно было угрожать – поэтому, если возникало новое направление НИОКР, для него создавался новый НИИ, однако старые лаборатории и НИИ не ликвидировались, статус бывших «выдающихся ученых» не мог быть понижен.

В СССР периода «застоя» в НИИ и вузах цвела общественная жизнь. Ученые ездили помогать сельскому хозяйству, убирали улицы, собирали взносы, строили гаражи, праздновали дни рождения... Для отчетов о выполнении НИОКР брались данные старых отчетов, немного обновлялись – и все это шло в профильное министерство или Академию наук.

С другой стороны, чтобы заниматься собственно наукой, в НИИ организовывались самостоятельные семинары. Иногда они были подпольными, если дело касалось общественных дисциплин. Как правило, такие семинары, как и собственно дискуссии, инициативный поиск, никак не вписывались в структуру тогдашнего научного процесса.

Но то же самое происходило и в промышленности, где был принят курс на концентрацию производства и создание производственных объединений.

При этом, по данным ЦСУ СССР, число производственных и научно-производственных объединений, комбинатов и предприятий, состоящих на самостоятельном балансе (включая предприятия, подчиненные производственным и научно-производственным объединениям), по отдельным отраслям в 1984 г. составляло 45 539 [Народное хозяйство... 1985, с. 128]. То есть в целом количество предприятий выросло примерно в два раза (если пересчитать по численности занятых исходя из некоего усредненного производственного объединения, получим, что в 1970 г. на самостоятельном балансе было 23 016 предприятий). В результате в 1970-е годы имели место два процесса:

Таблица 2. **Число производственных и научно-производственных объединений в 1970–1980 гг.** [Народное хозяйство... 1985, с. 128]

	<i>Число производственных и научно-производственных объединений</i>	<i>В них производственных единиц и самостоятельных промышленных предприятий</i>		<i>Удельный вес ПО и НПО во всей промышленности, %</i>	
		<i>Всего</i>	<i>В том числе на самостоятельном балансе</i>	<i>По объему реализованной продукции</i>	<i>По численности промышленно-производственного персонала</i>
1970	608	2 564	1 427	6,7	6,2
1975	2 314	9 558	4 663	24,4	28,8
1980	4 083	17 896	7 542	48,2	50,1

1. Создание производственных объединений, которые в целом значительно увеличивали непроизводственные накладные расходы. Это была чисто административная, ничего не производящая надстройка, однако с широкими полномочиями, предоставлявшая дополнительные «элитные» рабочие места.

2. Строительство новых предприятий. Этот процесс, как и в случае с НИИ, не сопровождался ликвидацией старых заводов, так что вместо реконструкции последних строились все новые и новые предприятия.

Уже к середине 1970-х годов трудовые ресурсы СССР и в первую очередь РСФСР были исчерпаны. В результате строительства новых заводов при сохранении старых мощностей (а старые предприятия не ликвидировали по тем же причинам, что и старые НИИ), постоянно снижались и фондоотдача, и производительность труда. Зато увеличивалось количество руководящих должностей по сравнению с рабочими.

Официальная, легальная экономика СССР в 1970-е годы внешне становилась все более иррациональной, что явилось результатом деятельности практиков, старательно сохранявших свой благополучный социальный мир. Экзотические проекты переустройства природы, связанные со строительством каналов и дамб, были лишь верхушкой айсберга.

Чем дольше существует «стеклянный потолок», тем сильнее деградирует официальная элита и тем многочисленнее и авторитетнее становится контрэлита. Рост последней идет в 1970-е годы по двум направлениям:

- 1) развитие андеграунда, приобретение символического капитала контрэлитой;
- 2) рост теневой экономики – и рост экономического капитала, которым располагает контрэлита.

Российский андеграунд к концу 1970-х становится всеобъемлющим. Одним из самых ярких примеров, возможно, является творчество В.С. Высоцкого – при его жизни в СССР было выпущено две пластинки, стихи же не публиковались вовсе. Однако в России не было города с населением более 100 тыс. человек, где нельзя было бы найти записей большинства песен Высоцкого. Аналогичная ситуация сложилась с творчеством официально запрещенного А. Галича, издаваемых Ю. Кима, Ю. Визбора и многих, многих других.

Основная часть андеграунда была не антисоветская, она была не-советская. Антисоветской была только очень небольшая часть подполья, связанная с диссидентами и Западом. Не-советские же культура и искусство определялись отрицанием социалистического реализма, концепции, которую исчерпывающе охарактеризовал в своей старой работе 1950-х годов А. Синявский [*Синявский* 1957]. Эта концепция основывалась на вульгарной марксистской схеме социального развития с передовыми, отстающими и враждебными социальными группами; в исторической перспективе передовые побеждают, вселяя в сердца читателей/зрителей/слушателей оптимизм и уверенность в светлом завтра. Все, что не укладывалось в эту жесткую идеологическую схему (а не укладывалась подавляющая часть произведений искусства), не могло увидеть свет. И творить в такой однообразной манере, очевидно, могли только практики, заранее рассчитывавшие на официальное признание и публикации.

В андеграунде действовало – производило и потребляло культурную и научную продукцию – огромное количество людей; при этом в начале 1980-х многие из них (прежде всего родившиеся после 1960 г.) даже не отдавали себе отчета в том, что они занимаются самиздатом и находятся в андеграунде. Термин «самиздат» у них ассоциировался с Солженицыным и «шестидесятниками», он был связан с политической борьбой. Тиражирование же магнитофонных записей или

распечатка с негативов романов «Доктор Живаго» Б. Пастернака и «Мастер и Маргарита» М. Булгакова никак с борьбой не увязывались. Между тем роман Пастернака был запрещен, и его распространение каралось уголовным заключением. Но в начале 1980-х самиздат стал *нормой*, так и не замеченной ни тогдашней официальной элитой, ни сегодняшней официальной историей.

В свою очередь, теневая экономика проявляла себя в двух формах: во-первых, она была связана с официозом («серый» рынок), во-вторых – с андеграундом и подпольным производством («черный» рынок). Распространение запрещенной музыки и книжек шло рука об руку с торговлей модной, но дефицитной одеждой и обувью. «Поколение дворников и сторожей» к концу «застоя» располагало весьма существенным экономическим капиталом. На этом стоит остановиться подробнее, поскольку именно здесь проходит тонкая грань между героями-одиночками, уходящими и непобежденными.

Поколение, избравшее своей стратегией уход, в материальном отношении в среднем жило намного лучше среднего советского человека. В советской экономике, где остро ощущался дефицит трудовых ресурсов и в принципе отсутствовало понятие «гастарбайтер», приходилось доплачивать за непрестижность профессий. Так, дворники получали служебное жилье, прописку в столичных городах и зарплату (если работник брал полторы-две ставки или расширял зону обслуживания), превосходящую зарплату инженера, преподавателя в вузе или младшего научного сотрудника в НИИ. При этом большая часть рабочего дня была свободной, так что у дворника оставалось достаточно времени для тусовок в андеграунде и участия в торгово-обменных операциях.

Молодые люди с высшим образованием (или незаконченным высшим), избравшие себе стиль жизни дворников и сторожей, в принципе не могли верить в будущее торжество коммунизма. Однако если антисоветской агитацией и распространением самиздата занимался доцент вуза – это могло весьма встревожить и партийные органы, и КГБ. В случае же с дворником ситуация выглядела иначе...

Ситуация на «сером» рынке, где действовали герои-одиночки и «непобежденные», была существенно иной. Денежные потоки здесь отличались на порядок. В условиях, когда торговля фондами была запрещена, а производственные планы не были сбалансированы со снабжением, на каждом советском предприятии имелись так называемые неликвиды (излишки материалов и полуфабрикатов) и неиспользуемые производственные мощности. Организовать массовое подпольное производство в этих условиях не представляло особого труда, гораздо сложнее было выстроить цепочку сбыта. Необходимо было задействовать транспорт, оптовое звено, розницу – и в каждом из звеньев мог оказаться человек, решивший продемонстрировать лояльность советскому государству. Но к началу 1980-х годов государство данную лояльность оплачивало все хуже. Поэтому существенная часть экономики уже находилась «в тени», а большая часть как директорского корпуса, так и начальников цехов научилась «договариваться» и «решать вопросы» в рамках административных рынков. Последующие громкие процессы 1980-х годов, такие, как «рыбное» дело, «хлопковое» дело, дело директоров крупнейших московских гастрономов, были хотя и крупными по масштабам, но достаточно обыденными. К концу периода «застоя» как верхушка элиты, так и контрэлиты были в равной степени убеждены, что в СССР все продается и покупается.

Как андеграунд, так и теневая экономика тесно переплетались с полностью криминальным, уголовным миром, фактически включая его в себя в качестве сравнительно небольшой, но важной части. Уже с середины 1970-х начинается эстетизация уголовной романтики, людей, которые могут поставить себя вне закона, «волков, на которых идет охота». И здесь оба новых поколения – и герои-одиночки, и уходящие – смыкаются в своем отношении к нормам права: самим им все это соблюдать «западло», однако и законы, и суды, и государство в целом можно и нужно использовать против своих врагов.

К 1985 г. из активной деятельности ушла большая часть военного поколения, «шестидесятники» стали приближаться к пенсионному возрасту. Контрэлита, располагавшая к тому времени основным символическим и существенным экономическим капиталом, с отлаженными неформальными коммуникациями (через самиздат, через устойчивые связи с Западом), также сформировалась. Предстояла схватка за власть.

Перестройка как медленная революция (1985–1991)

Коммунизм, как идеология, в своем советском варианте потерпел поражение вместе с завершением «оттепели», когда была предпринята последняя попытка модернизации социального устройства. Но разрыв общественных коммуникаций и отсутствие обсуждения основных проблем СССР в «официозе», и прежде всего – в легальных СМИ, создавали иллюзию, что «дело Ленина живет и побеждает». Большая часть советской элиты, которая в силу своего возраста еще должна была помнить 1960-е, продолжала пребывать в этих иллюзиях. Поэтому дело не в личности М. Горбачева. Уровень незнания собственной страны среди членов ЦК КПСС был примерно одинаковым и приближался к абсолютному.

Естественно, что «шестидесятники»-демократы начали с того места, где их когда-то остановили – с ускорения социально-экономического развития на основе внедрения достижений научно-технического прогресса и гласности. Но страна за 20 лет радикально изменилась.

Ускорение было невозможно без изменения социальной структуры общества, ликвидации множества неэффективных предприятий и НИИ. Очевидно, что проведение этих мероприятий привело бы к появлению реальной безработицы, снижению объемов производства, временному, но существенному ухудшению положения населения. С одной стороны, это плохо совмещалось с идеологическими коммунистическими догмами; с другой – так или иначе потребовало бы применения насилия со стороны политического руководства страны. И в любом случае ускорение было несовместимо с гласностью.

Гласность была мероприятием по преодолению коммуникационного разрыва, возвратом к традиционным ценностям «шестидесятников»-демократов. Однако в данном случае элита не учла, да и не могла учесть, что основная, большая часть символического капитала уже находится в руках контрэлиты, и эта последняя абсолютно нелояльна не только по отношению к трупам коммунистической идеологии, но и к самому государству – СССР. Практически во всех СМИ началось систематическое разрушение основ социалистической демократии (в данном случае понимаемой как способ рекрутирования элиты через коммунистическую номенклатуру) вместе с отрицанием прав «официоза» на господство.

Последним поворотным пунктом в этой революционной трагикомедии, по-видимому, была XIX партконференция, где Горбачев пытался направить события по «китайскому» варианту. Фактически имел место торг с первыми секретарями областей, краев и республик: вы допускаете в СССР капитализм с советской спецификой и легализуете теневую экономику (собственно, последнее уже происходило с помощью закона о кооперации), но сохраняете политическую власть. Делегаты-практики не собирались одобрять потерю элитой экономического капитала и выступили против, надеясь сохранить и то и другое. В очередной раз проигрывающие демократы во главе с Горбачевым стали угрожать практикам выборами. Но партийная элита решила, что выборы – пустая угроза, и согласилась на них пойти.

В результате был проведен съезд народных депутатов, на который попали уже не только «шестидесятники» из разных поколенческих союзов, но и герои-одиночки. После этого процесс разрушения «стеклянного потолка» остановить было уже невозможно.

На уличных митингах происходило братание «шестидесятников»-демократов с поколением ухода: андеграунд становился «официозом». Контрэлита всегда представляет собой симбиоз крайне разнородных социальных групп, которые объединяет только одно – желание стать элитой и выгнать «тех» с насиженных мест. Перестройка представляла собой союз разных поколений против практиков, но если бы «шестидесятники» хоть немного представляли себе, с кем они объединились и что их ждет уже в ближайшем будущем... Впрочем, социальные группы, участвующие в революциях, никогда не понимают целей своих союзников.

«Шестидесятники»-демократы, которые вернулись во время перестройки в официальную элиту, продолжали решать задачи своего поколения. В 1968 г., когда их «прервали», они мечтали о социализме с человеческим лицом. В 1988 г. они пытались строить то же самое, в политике допуская существование альтернативных КПСС общественных движений, ослабляя цензуру, а в экономике – развивая социалистический рынок с помощью кооперации и трех моделей хозяйственного расчета. Однако к тому времени деятели андеграунда приравняли коммунизм к фашизму, а акторы теневой экономики осознали, что то, за что раньше сажали, теперь называется эффективным менеджментом. Старые правила и нормы, которые формально никто не отменял, перестали действовать, и уже к концу 1980-х официальная элита в глазах «ядра социума» полностью потеряла легитимность.

С точки зрения поколенческой динамики перестройка выглядит именно как революция: насильственный захват (точнее, перехват) власти контрэлитой вопреки действовавшей тогда брежневской конституции, нормам Уголовного кодекса, напрямую запрещавшего спекуляцию. Место практиков в политической элите заняли герои-одиночки, которые доминировали в этом процессе: новое поколение победило. Демократы-«шестидесятники» сыграли роль дымовой завесы – они продолжали говорить об общечеловеческих ценностях, о модернизации общества... Явно провокационным был поднимавшийся именно «шестидесятниками»-демократами вопрос о привилегиях, которыми пользовалась тогдашняя формальная элита. «Ядро социума» позитивно реагировало на эти лозунги, однако поколение героев-одиночек и не помышляло о модерне или тем более уравнивании себя с толпой.

Наивные надежды ученых и специалистов оборонки, привыкших считать себя элитой, интеллигенцией и ожидавших, что их компетентностный капитал

будет востребован пришедшей к власти контрэлитой, оказались обмануты лозунгами постаревших «шестидесятников»-демократов. Прорвавшееся в элиту поколение героев-одиночек вместе с частью непобежденных⁸ и не собиралось модернизировать Россию. Это поколение собиралось ее делить.

Впрочем, стоит сделать важную оговорку: к концу 1980-х годов за лояльность к государству рабочих и крестьян уже совсем перестали платить, в то время как нелояльные (кооператоры, индивидуалы, деятели андеграунда) стали получать несравнимые с учеными доходы. Так что симпатии интеллигенции к контрэлите имели под собой и корыстные основания...

«Холодная» гражданская война (лихие 1990-е, 1992–2004)

1990-е годы проходят под знаком доминирования все тех же поколений – героев-одиночек и ухода, которые сформировались в годы «застоя». Старееющее поколение «шестидесятников», широко представленное в составе Верховного Совета, пыталось оказывать слабое сопротивление: наиболее яркой попыткой стал 1993 г. После штурма Белого дома «шестидесятники»-демократы, как социальная группа, перестают существовать. Вместе с ними из общественной коммуникации уходит и смешной вопрос о привилегиях.

Социализм, как известно, нужно строить, а капитализм достаточно разрешить. В условиях, когда о модернизации общества никто и не думал, достаточно было отпустить цены и ликвидировать органы государственного управления экономикой. Основная часть вертикальных коммуникаций, связанных с работой отраслей, в рамках которых функционировали не только административные рынки, но и рутины планирования, ценообразования, соблюдения всевозможных технических регламентов, циклы «фундаментальные исследования – НИОКР – опытный образец – опытное производство – массовое производство», оказалась ликвидирована. Вместо экономического капитала, который представляли собой как предприятия, так и их руководители, остались бесхозные ресурсы, которые теперь можно и нужно было приватизировать. За них и началась гражданская война.

Сутью гражданской войны является вооруженное насилие, систематически осуществляемое различными социальными группами как по отношению к «ядру социума» (если *только* по отношению к нему, то война превращается в террор), так и друг к другу. Основными воюющими сторонами оказались поколение героев-одиночек, на стороне которых по большей части выступала как государственная машина, так и криминальный мир, и поколение практиков – бывшая элита, сохранявшая формальное право распоряжения ресурсами и также имевшая влияние на силовые структуры.

Следует сразу же оговориться, что герои-одиночки воевали не только с практиками, но и друг с другом. В силу представлений о собственной избранности им очень трудно признавать наличие символического капитала у своих коллег и конкурентов. Они – максимально разобщенная социальная группа. Но на их стороне была поддержка федеральной власти; кроме того, они были попросту более компетентны, поэтому большая часть ресурсов была приватизирова-

⁸ Каковыми, например, были Б. Ельцин, А. Яковлев и многие другие деятели той эпохи.

на⁹ именно ими. Кроме того, именно поколение героев-одиночек разрушило негласное соглашение элиты о неприменении террора: оно начало широко использовать заказные убийства, стрелки, ракет, откаты... Практики только учились у них, постепенно отвыкая от своих «совковых» привычек, в разнообразии применяемых средств они значительно уступали своим конкурентам.

Важно отметить, что насилие применялось именно систематически, хотя в силу своего мировоззрения жертв системы герои-одиночки никогда не соглашались с этим. Они были «камикадзе», «спасали Россию» и конечно же «удержали страну на грани гражданской войны». Хотя достаточно было сравнить количество вооруженных людей на улицах и в общественных местах в 1970-е и 1990-е годы, посмотреть на железные двери, решетки на первых этажах жилых домов, прислушаться к возникавшим то здесь, то там перестрелкам...

Во время гражданской войны образование не котируется. В первой половине 1990-х упал конкурс на поступление практически во все вузы. Однако новым хозяевам жизни требуется легализация – отсюда постепенный рост спроса на людей с экономическими и юридическими дипломами. Немного иначе дело обстоит со службой в Вооруженных силах – с одной стороны, молодежь всячески пытается от нее откосить, с другой – растет потребность частных структур в людях, имеющих боевой опыт, умеющих применять оружие и планировать тактические операции (как по обороне, так и по захвату). В связи с этим возникает амбивалентность – с подачи властолюбивых «камикадзе» военное сословие и «менты» по-прежнему имеют один из самых низких профессиональных социальных статусов, но работа в многочисленных службах охраны уважается и приветствуется.

Это двойственное отношение легко объяснимо – милиция и Вооруженные силы презируются, так как выполняют задачи обеспечения безопасности толпы, того самого бывшего «совка», российского народа. А спецслужбы и охранные агентства делают то же самое в отношении избранных, тех самых «камикадзе», это теперь – «наши».

Как и в любой гражданской войне, соперничающие социальные группы ищут помощи в зарубежных странах, призывая их к интервенции. В данном случае герои-одиночки и бывшая контрэлита в целом рассматривали себя как ставленников Запада, выполнявших цивилизационную миссию в отношении «диких совков». Практикам рассчитывать было особо не на кого, хотя попытки сохранения СНГ, создания различных ЕврАзЭСов были их способом хоть как-то повлиять на внешнюю политику. В связи с этим отчасти можно согласиться с тезисом, что в 1990-е годы в России был установлен оккупационный режим: Россия вплоть до 1996 г. полностью двигалась в фарватере США. Но тогда это отражало общее мнение и пришедшей к власти элиты, и многих в контрэлите: раз мы хотим присоединиться к западному миру, то нужно делать так, как они скажут¹⁰.

⁹ В 1990-е годы термин «приватизация» никогда не использовался ее основными участниками. При встречах между собой деятели нынешнего капиталистического истеблишмента никогда не спрашивали: «Что тебе удалось приватизировать?», но вежливо интересовались: «Сколько украл?»

¹⁰ При этом отдавать иностранцам экономические ресурсы, которые стали бы контролироваться мировой элитой и превратились бы в соответствующий транснациональный капитал, никто не собирался – в отличие от бывших соседей по соцлагерю. Несмотря на все преклонение перед Западом, герои-одиночки не собирались отдавать ему то, что по праву считали своим. В этом смыс-

Особым сюжетом 1990-х годов, существенно повлиявшим на ход гражданской войны, придав ей отчасти открытый, горячий характер, является Чечня. Само по себе влияние этнического фактора ничего не меняет в рассмотренной ранее карте стратегий. В случае репрессированных народов¹¹ стратегия ухода формируется немного раньше, и именно ее и стали реализовывать пришедшие к власти в республиках национальные элиты.

Уходящие открыто провозглашают свои принципы, радикально отличающиеся от действующего социального устройства. Все, кто им не следует, – враг. Поэтому так легко находит общий язык большая часть националистов на территории бывшего СССР. Казалось бы, где Чечня, а где – Прибалтика... но попытка любой российской территории, решившей выделиться из России и создать свою квазигосударственность, была бы поддержана новоиспеченными республиками. Это вполне логично в рамках реализуемой стратегии противостояния фальшивой общности – русскоговорящему большинству, которое должно быть ликвидировано тем или иным способом.

Если уходящим в силу исторических причин удастся победить, они восстанавливают ретрорежимы, основанные на «голосе крови и веры», «истинные». В истории человечества такому распределению власти наиболее всего соответствует рабовладельческая демократия, предполагающая деление людей на настоящих, то есть своих по крови и вере, и не-граждан. Такие режимы являются весьма устойчивыми при наличии ресурса рабов – людей, так или иначе пораженных в правах. Другим вариантом является выстраивание уникального правового режима – разного рода офшоров, – позволяющего эксплуатировать (отмывать) потоки ресурсов из разных стран мира. Естественно, существование таких особых географических зон требует поддержки спонсоров, ориентации на различные полюса силы. Для героев-одиночек в целом такие режимы вполне привлекательны, поскольку предоставляют возможности для вывода и последующей легализации экономического капитала на Западе. Положение соотечественников их мало смущает: «Если им там не нравится, пусть переезжают в Россию». Поэтому новые чеченские рабовладельцы¹², как и прибалтийские этнократы, получили поддержку у части демократической российской элиты.

ле они были не меньшие патриоты, чем их оппоненты-практики; отсюда в целом расхожая характеристика новой российской демократии как оккупационного режима и ликвидационной комиссии несправедлива и напоминает байку о том, как Октябрьскую революцию 1917 г. завезла в Россию германская разведка, доставив Ленина в Петербург в опломбированном вагоне.

¹¹ Для уходящих вообще характерен поиск своих национальных корней – это один из способов их позиционирования в качестве ущемленного в правах меньшинства и обоснования собственных моральных прав на отказ от социальных обязанностей с одновременным требованием для себя различных привилегий. В этом отношении вновь появившиеся в России казаки ничем не отличаются от евреев, а татары – от украинцев или грузин. Их всех объединяет убеждение, что по отношению к ним русские осуществляли геноцид, голодомор и т.д. (при этом не важно, когда это было – 500 лет назад или 70). Поскольку уходящие ведут свою пропаганду открыто, им необходимо обосновать свое право на нелояльность.

¹² Естественно, кражи людей, рабский труд и пытки осуществлялись чеченской элитой не только в отношении русскоговорящих, но и собственно этнических чеченцев. Как уже указывалось, этнический фактор не играет главной роли при определении стратегии поведения различных социальных групп.

Поколение уходящих ориентировано на прошлое, но прошлое мифологизированное и идеализированное. Поскольку это поколение *всегда* формируется в ситуации поражения, которая, в свою очередь, предопределяет негативное мессианство, это поражение необходимо объяснить. Согласно данной логике понятно, что их победил сильный, коварный и ужасный враг-людоед, который систематически уничтожал их язык, культуру, не давал развиваться экономике и прочая, прочая... Теперь этот враг побежден, а стало быть, нужно устроить суд над прошлым, процесс, подобный Нюрнбергскому. Это – способ привести нацию к покаянию, очищению и единению, поэтому суды над стариками в Прибалтике, строительство памятников Бандере на Украине, процесс над В. Ярузельским в Польше также осуществляются согласно этой логике. И они демонстрируют тот вариант развития событий, который имел бы место, если бы в ходе перестройки и гражданской войны в 1990-х годах в России победили бы не разобщенные, но харизматичные герои-одиночки, а сплоченные уходящие. Они, несомненно, довели бы демократизацию и либерализацию до логического конца¹³, о котором сейчас тоскуют истинные демократы.

Логика войны – это захват и контроль территорий и вытеснение с них противника. Приватизация шла неравномерно. Относительно долго сохранялся «красный пояс» – регионы, где контроль за собственностью оставался за бывшей элитой, которая поддерживала необходимый политический альянс с губернаторами.

К 1996-му, году выборов президента, политическая ситуация в России существенно обострилась. Поколение практиков было готово к тому, чтобы взять реванш – иллюзий у «ядра социума» в отношении целей команды реформаторов не оставалось, складывающееся распределение власти никого не устраивало, на выборах в Государственную Думу «Демвыбор России» потерпел сокрушительное поражение. Почувствовав угрозу, поколения героев-одиночек, ухода и отдельные оставшиеся в элите «шестидесятники»-демократы объединили свой уменьшившийся, но все еще весьма значительный символический капитал. Все это было

¹³ Ставшее «официозом» и получившее желанный политический и экономический капитал, российское поколение ухода практически перестало отличаться от героев-одиночек. Однако в отношении символического капитала это поколение продолжает дистанцироваться от своих старших братьев и уже имеет молодых продолжателей, перерабатывающих их проекты в нынешний гламур. В 1990-х годах быстро стали популярными казачьи и белогвардейские мундиры, масонские ложи и дворянские собрания, рисование генеалогических древ... В «нулевых» годах начинают сниматься «исторические» фильмы, например недавний «Адмирал». В фильме показан персонаж, не имеющий ничего общего с реальным Колчаком, который своими массовыми порками и карательными экспедициями довел Сибирь, сначала поддержавшую «белых», до массовых восстаний. Другая часть российских уходящих разрабатывает теории «славянского арийства» и тоже имеет своих последователей в лице сегодняшних ДПНИ и скинхедов. Видимо, необходимо признать, что опасения старых «шестидесятников»-модернистов и практиков относительно того, что «если эти победят, то страна развалится», были вполне обоснованны. Во всяком случае, представление о том, что в Великой Отечественной войне мы победили исключительно потому, что Жуков и ему подобные «завалили окопы немцев трупами российских солдат» (что отчасти имело место в случае этого конкретного мифологизированного военачальника, в отличие, скажем, от Конева или Рокоссовского), сейчас весьма распространено. Теперь уже достаточно легко представить себе судебный процесс, где человеколюбивые уходящие, последовательные демократы и либералы судили бы военное поколение за то, что они слишком жестоко вели войну, погубив неоправданно много жизней своих солдат (или – частный случай – не сдали немцам Ленинград).

брошено на запугивание «ядра социума» под лозунгом борьбы с наступающим коммуно-фашизмом. Практикам тогда нечего было противопоставить этому: у КПРФ, которую они в то время поддерживали, старый символический капитал был растрочен еще в годы перестройки, а новый не был накоплен. В результате большую часть народного недовольства «капитализировать» им так и не удалось.

После победы Ельцина на выборах 1996 г. в России сложилась совершенно вырожденная социальная структура. Политологи называли ее семибанкирщиной, но здесь-то как раз и не было ничего вырожденного: группы банкиров и владельцев основных предприятий сырьевых отраслей как раз и сформировались в результате дележа страны, они стали каркасом будущей российской капиталистической «номенклатуры». Вырожденным был класс так называемых «челноков», мелких торговцев, количество которых, по-видимому, исчислялось двумя десятками миллионов человек (вместе с семьями). Существовал этот класс почти исключительно за счет завышенного курса рубля, поддерживавшегося ростом внешней задолженности России. Во многом эти люди числили себя успешными предпринимателями и, в отличие от «совков»-бюджетников, они вполне адаптировались к новым условиям и приветствовали рыночную экономику.

А у бюджетников дела обстояли совсем плохо. Мало того что уровень их зарплаты постоянно отставал от доходов занятых в коммерческом секторе, так выплату этой зарплаты еще и регулярно задерживали. Люди, занятые в производстве человеческого капитала – учителя, врачи, преподаватели вузов, ученые, – все больше и больше маргинализировались. Открытие частных школ, больниц, вузов, где можно было получать гораздо более высокие доходы, обучая детей нуворишей и ухаживая за состоятельными пациентами, постепенно привело к утрате профессиональной этики. Все это стимулировало развитие репетиторства, разного рода платных услуг или, как минимум, к сознательному сокращению затрат времени преподавателей при работе со студентами, что в реальности снижало качество обучения; но в тогдашних отчетах, как и в нынешней рейтинговой системе оценок успеваемости, это никак не фиксировалось. Все это вело к разрушению системы воспроизводства символического капитала, особенно в провинции. В последней субъекты, контролирующие экономический (предприниматели) и политический (власть) капитал, в процессе принятия решений постепенно перестали считаться с мнением символических авторитетов (интеллигенции), что в 1980-е годы трудно было себе представить. С другой стороны, все больше символический капитал начинают контролировать представители духовенства – в первую очередь, православия, но вместе с ним – и других конфессий. Соответственно возрастает и статус, и количество духовных лиц.

Жить в долг бесконечно невозможно, поэтому падение курса рубля было неизбежно. Герои-одиночки в результате запутанной истории, в которой заодно, похоже, были сворованы какие-то кредиты МВФ, довели дело еще и до дефолта. Было зафиксировано беспрецедентное разовое сокращение реальных доходов населения – около 40%. Однако никаких взрывов народного возмущения это не вызвало: остатки бывшей элиты были политически недееспособны, другой контрэлиты не существовало, поэтому все обошлось потерями политического и экономического капитала для отдельных персон. Наиболее существенным политическим результатом дефолта стало значительное усиление позиций практиков в правительстве и регионах. Экономические же результаты были на-

много важнее – класс «челноков» исчез, многие несостоявшиеся торгаши вернулись на производство. В результате импортозамещения начали восстанавливаться доходы, но теперь уже на принципиально другой основе – страна перестала жить в долг; напротив, стала возвращать деньги иностранным кредиторам. Но как следствие, Россия стала меньше зависеть от Запада... а Запад начал войну с Югославией, что произвело шоковое впечатление на большую часть российской элиты. Многими были сделаны выводы о том, что Россия – следующая на очереди. Последующие «бархатно-оранжево-цветочные» революции вполне вписывались в этот сценарий, вызывая весьма нервную реакцию у господствующего класса: легко просматривался сценарий увода сырьевых предприятий под международный контроль при посредничестве реформаторов-коллаборационистов. Память о последствиях курса внешней политики Шеварнадзе – Козырева была еще слишком свежа. Это предопределило те требования, которые предъявлялись к кадровому резерву: теперь гражданские лица на первые роли уже не годились. Кадровым военным элита не доверяла, оставались МВД и спецслужбы. Так на первые роли и вышли «питерские чекисты».

Новая интрига развернулась к концу 1999 г., когда старое поколение практиков дистанцировалось от коммунистов и смогло организовать новую политическую силу (ОВР). Герои-одиночки почувствовали угрозу сразу же. В отличие от прежнего варианта коммуно-фашизма к новой политической силе примкнула и часть «своих». Рассчитывать на то, что этому поколению политиков-одиночек когда-нибудь удастся объединиться вокруг любого лидера¹⁴, не приходилось. В результате был создан неожиданный встречный проект, во многом повторяющий «ОВР», – «Единство». При рыхлой внутренней организационной структуре, которая позволяла интегрировать и практиков, и небольшое число героев-одиночек, идеологически этот проект был позиционирован как нормальный капитализм против «дикого капитализма» правых и государственного социализма «ОВР».

Нормальный капитализм» порождает две надежды – во-первых, на окончание «холодной» гражданской войны, во-вторых, на модернизацию страны. Предыдущая история показала, что, когда политический и экономический капитал сосредотачиваются в основном у героев-одиночек, война не заканчивается никогда. У «правых сил» уже не оставалось шансов на победу после 1996 г.

В отношении же модернизации было понятно, что государственный социализм – другой, смягченный вариант российского прошлого, что подтверждалось фамилиями политиков-«практиков». Поэтому победил, казалось бы, очевидный политический муляж – «Единство», партия, которая была заточена под одного героя-одиночку – В. Путина.

В целом ожидания, связанные с этой конструкцией, реализовались. Так, был консолидирован господствующий класс и закончена гражданская война (знаковым событием здесь явилось объединение «Единства» и «ОВР»), отдель-

¹⁴ Непринципиально, кого – Г. Явлинского, Е. Гайдара, А. Чубайса, Б. Березовского, С. Глазьева, Б. Немцова, погибшего А. Лебеда, В. Путина, М. Ходорковского, И. Хакамады, А. Илларионова, М. Леонтьева, М. Хазина, С. Кириенко – список можно продолжать. Все они – яркие личности одного поколения избранных, однако рядом с собой они готовы терпеть только практиков. Их объединение в команду невозможно не из-за политических взглядов – в разные годы они так или иначе сотрудничали друг с другом, – но из-за общей поколенческой динамики: внутр поколенческие союзы в поколении одиночек – только временное явление.

ные непримиримые были изгнаны за рубеж. Дело Ходорковского было показательным процессом: семибанкирщина-«номенклатура» почти не выступала в его защиту. Наконец, и остальные герои-одиночки, располагавшие большими капиталами, примирились со своим положением в новой иерархии.

Другим важнейшим достижением стало утверждение новой системы социальных статусов, ее легитимация в глазах социума. Принципиально важно в этом отношении, что вновь утвердившаяся элита располагает существенным символическим капиталом, и альтернативных социальных групп, сопоставимых с ней по размеру этого капитала, в России сейчас нет. Не осталось даже тени бывшего андеграунда.

В сущности, единственная из поставленных задач, которую так и не удалось решить новой элите, – это легитимация нового социального устройства России на Западе. Но как оказалось, невозможно совместить внутреннюю и внешнюю легитимацию: либо, по мнению населения, оккупационный режим и продолжение гражданской войны, либо – гражданский мир, но – не та с точки зрения Запада демократия. Иными словами, невозможно защищать право российских собственников на исключительную эксплуатацию богатых российских ресурсов – и получить одобрение такой защиты на Западе.

* * *

Если предложенная модель и реконструкция прошлого верны хотя бы в своих основных чертах, то предлагаемая карта стратегий поколений может быть весьма полезной для диагностики социальной динамики. Изучение последней является необходимым элементом социального проектирования, которое сообщает свои смыслы отдельным историческим отрезкам.

Кроме того, поиск такого распределения власти, которое обеспечивает ротацию элиты и условия для экономического и технического прогресса, – центральная проблема больших социальных проектов. К сожалению, такая проблема в России не только не решена, но и не является актуальной для сегодняшней отечественной элиты.

Литература

- Вебер М. Политика как призвание и профессия. Избранные произведения, М.: Прогресс, 1990.
- Дубин Б. Поколение: социологические границы понятия // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2002. № 2 (58).
- Мангейм К. Проблема поколений // Новое литературное обозрение. 1998. № 2 (30).
- Народное хозяйство СССР в 1984 г.: Стат. ежегодник / ЦСУ СССР. М.: Финансы и статистика, 1985.
- Олейник А. Смена поколений в элите и стабильность социально-экономической системы // Отечественные записки. 2008. № 4 (43).
- Синявский А. Что такое социалистический реализм // <http://antology.igrunov.ru/authors/synyavsky/1059651903.html>.
- Сото де Э. Загадка капитала. М.: ЗАО «Олимп-Бизнес», 2001.